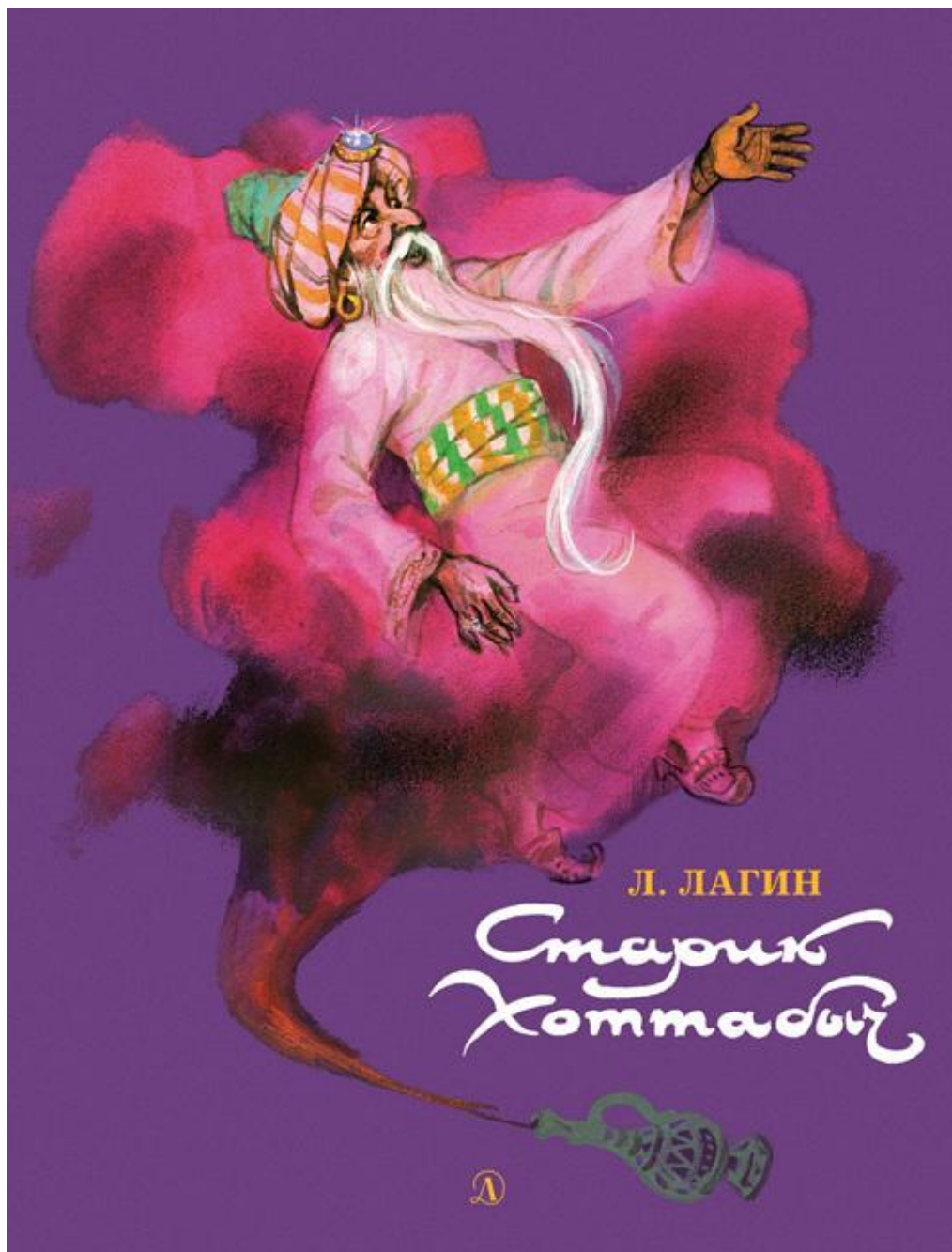

Лазарь Иосифович Лагин
Старик Хоттабыч

Наша марка (Детская литература) –

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18366601&lfrom=30440123

«Старик Хоттабыч / Л. Лагин»: Детская литература; Москва; 2017

ISBN 978-5-08-005689-5

Аннотация

Весёлая повесть-сказка о необычайных приключениях джинна, попавшего из старинной волшебной сказки в обстановку советского города конца 1930-х годов; о дружбе старика Хоттабыча с пионером Волькой, которому он никак не может «угодить» своим волшебством, потому что его представления о жизни, о счастье не имеют ничего общего со взглядами советского школьника.

Для среднего школьного возраста.

Лазарь Лагин Старик Хоттабыч

От автора¹

В книге «Тысяча и одна ночь» есть «Сказка о рыбаке». Вытянул рыбак из моря свои сети, а в них – медный сосуд, а в сосуде – могучий чародей, джинн. Он был заточён в нём без малого две тысячи лет. Этот джинн поклялся осчастливить того, кто выпустит его на волю, – обогатить, открыть все сокровища земли, сделать могущественнейшим из султанов и, сверх всего, выполнить ещё три его желания.

Или, например, «Волшебная лампа Аладдина». Казалось бы, ничем не примечательная старая лампа, можно сказать – просто утиль. Но стоило потереть её – и вдруг неведомо откуда возникал джинн и выполнял любые, самые невероятные желания её владельца. Вам угодны редчайшие яства и питья? Пожалуйста. Сундуки, по самые края наполненные золотом и драгоценными камнями? Готово. Роскошный дворец? Сию же минуту. Превратить вашего недруга в зверя или гада? С превеликим удовольствием.

Предоставь такому чародею по собственному вкусу одарить своего повелителя – и снова посыпались бы всё те же драгоценные сундуки, всё те же султанские дворцы в личное пользование.

По понятию джинов из старинных волшебных сказок и тех, чьи желания они в этих сказках выполняли, это и было самое полное человеческое счастье, о котором только и можно было мечтать.

Сотни и сотни лет прошли с тех пор, как впервые были рассказаны эти сказки, но представления о счастье долго ещё связывались, а в капиталистических странах у многих людей и по сей день ещё связываются с сундуками, битком набитыми золотом и бриллиантами, с властью над другими людьми.

Ах, как мечтают те люди хоть о самом завалающем джине из старинной сказки, который явился бы к ним со своими дворцами и сокровищами! Конечно, думают они, любой джинн, проведший две тысячи лет в заточении, поневоле несколько отстал бы от жизни. И возможно, что дворец, который он преподнесёт в подарок, будет не совсем благоустроен с точки зрения современных достижений техники. Ведь архитектура со времён калифа Гаруна аль Рашида так шагнула вперёд! Появилисьванные комнаты, лифты, большие, светлые окна, паровое отопление, электрическое освещение... Да ладно уж, стоит ли придираетсяя. Пусть дарит такие дворцы, какие ему заблагорассудится. Были бы только сундуки с золотом и бриллиантами, а остальное приложится: и почёт, и власть, и яства, и блаженная, праздная жизнь богатого, «цивилизованного» бездельника, презирающего всех тех, кто живёт плодами своих трудов. От такого джина можно и любое огорчение стерпеть. И не беда, если он не знает многих правил современного общежития и светских манер и если он иногда и поставит тебя в скандальное положение. Чародею, швыряющемуся сундуками с драгоценностями, эти люди всё простят...

Ну, а что, если бы такой джинн да вдруг попал в нашу страну, где совсем другие представления о счастье и справедливости, где власть богачей давно и навсегда уничтожена и где только честный труд приносит человеку счастье, почёт и славу?

И вдруг я, представьте себе, узнаю, что Волька Костыльков, тот самый, который жил раньше у нас в Трёхпрудном переулке, ну, тот самый Волька Костыльков, который в прошлом году в лагере лучше всех нырял... Впрочем, давайте я вам лучше всё расскажу по порядку.

I. Необыкновенное утро

¹ Это авторское предисловие было написано к новой редакции повести-сказки, вышедшей в 1955 году. Л. И. Лагин несколько переработал и дополнил первоначальный вариант своей книги под влиянием господствовавшей тогда в нашей стране советской идеологии.

В семь часов тридцать две минуты утра весёлый солнечный зайчик проскользнул сквозь дырку в шторе и устроился на носу ученика пятого класса Вольки Костылькова. Волька чихнул и проснулся.

Как раз в это время из соседней комнаты донёсся голос матери:

– Нечего спешить, Алёша. Пусть ребёнок ещё немножко поспит – сегодня у него экзамен.

Волька досадливо поморщился.

Когда же мама перестанет наконец называть его ребёнком? Шуточки – ребёнок! Человеку четырнадцатый год пошёл...

– Ну что за чепуха! – ответил за перегородкой отец. – Парню уже тринадцать лет. Пускай встанёт и помогает складывать вещи. У него скоро борода расти начнёт, а ты всё: ребёнок, ребёнок...

Складывать вещи! Как он мог это забыть!

Волька моментально сбросил с себя одеяло и стал торопливо натягивать штаны. Как он мог забыть! Такой день!

Семья Костыльковых переезжала сегодня на новую квартиру. Ещё накануне вечером почти все вещи были запакованы. Мама с бабушкой уложили посуду на дно ванночки, в которой когда-то, давным-давно, купали младенца Вольку. Отец, засучив рукава и по-сапожнички набрав полный рот гвоздей, заколачивал ящики с книгами и в спешке заколотил в одном из них учебник географии, хотя даже ребёнку ясно, что без учебника сдавать экзамен невозможно.

– Ладно, – сказал отец, – на новой квартире разберёмся.

Потом все спорили, где складывать вещи, чтобы удобнее было их выносить утром на улицу. Потом пили чай по- походному, за столом без скатерти, сидя на ящиках, а Волька очень удобно устроился на футляре из-под швейной машины. Потом решили, что утро вечера мудренее, и легли спать.

Одним словом, уму непостижимо, как это он мог забыть, что они сегодня утром переезжают на новую квартиру.

Не успели напиться чаю, как в квартиру постучались. Затем вошли двое грузчиков. Они широко распахнули обе половинки двери и зычными голосами спросили:

– Можно начинать?

– Пожалуйста, – ответили одновременно мать и бабушка и страшно засуетились.

Волька торжественно вынес на улицу, к фургону, диванные валики и спинки. Его сразу

окружили ребята, игравшие во дворе.

– Переезжаете? – спросил у него Серёжа Кружкин, весёлый паренёк с чёрными хитрыми глазами.

– Переезжаем, – сухо ответил Волька с таким видом, как будто он переезжал с квартиры на квартиру каждую шестидневку и будто в этом не было для него ничего удивительного.

Подошёл дворник Степаныч, глубокомысленно свернул сигарку и неожиданно завёл с Волькой солидный разговор, как равный с равным. У мальчика от гордости и счастья слегка закружилась голова. Он с уважением отозвался о сложности дворницкой профессии, потом набрался духу и пригласил Степаныча в гости на новую квартиру. Дворник сказал: «Мерси». Словом, налаживалась серьёзная и положительная беседа двух мужчин, когда вдруг из квартиры раздался раздражённый голос матери:

– Волька! Волька!.. Ну куда девался этот несносный ребёнок?

И сразу всё пошло кувырком. Дворник, еле кивнув Вольке, принялся с ожесточением подметать улицу. Ребята сделали вид, будто безумно увлеклись щенком, которого ещё вчера неведомо откуда притащил Серёжа. А Волька, понутив голову, пошёл в опустевшую квартиру, в которой сиротливо валялись обрывки старых газет и пузырьки из-под лекарств.

– Наконец-то! – накинулась на него мать. – Бери твой знаменитый аквариум и срочно влезай в фургон. Будешь там сидеть на диване и держать аквариум на руках. Только смотри не расплескай воду на диван...

Непонятно, почему родители так нервничают, когда переезжают на новую квартиру.

II. Таинственная бутылка

В конце концов Волька устроился в фургоне неплохо. Конечно, в грузовике приятней, но зато вся дорога промелькнула бы чересчур уж быстро. К тому же, что ни говорите, поездка в крытом фургоне куда романтичнее.

Внутри царил таинственный прохладный полумрак. Если зажмурить глаза, можно было свободно представить, будто едешь не по Настасьинскому переулку, в котором прожил всю свою жизнь, а где-то в Америке, в суровых пустынных прериях, где каждую минуту могут напасть индейцы и с воинственными кликами снять с тебя скальп. За диваном возвышался ставший вдруг необычным перевернутый вверх ножками обеденный стол. На столе дребезжало ведро, наполненное какими-то склянками. В углу тускло блестела никелированная кровать. Старая бочка, в которой бабушка квасила на зиму капусту, удивительно напоминала бочки, в которых пираты старого Флинта держат ром.

Сквозь дыры в стенке фургона проникали тоненькие столбики солнечных лучей.

И вот наконец остановились у подъезда нового дома, где предстояло жить. Грузчики ловко и быстро перетаскивали вещи в квартиру и уехали в бодро дребезжащем фургоне.

Отец, кое-как расставив вещи, сказал:

– Остальное доделаем после работы.

И ушёл на завод.

Мать совместно с бабушкой принялась распаковывать посуду, а Волька решил тем временем сбегать на реку. Правда, отец предупредил, чтобы Волька без него не смел ходить купаться, потому что тут страшно глубоко, но Волька быстро нашёл для себя оправдание.

«Мне необходимо выкупаться, – решил он, – чтобы была свежая голова. Как это я могу явиться на экзамен с несвежей головой!»

Просто удивительно, как Волька умел всегда придумывать оправдание, когда ему хотелось нарушить обещание, данное родителям.

Это большое удобство, когда речка недалеко от дома. Волька сказал маме, что пойдёт на берег готовиться по географии. Прибежав к речке, он быстро разделся и бросился в воду. Шёл одиннадцатый час, и на берегу не было ни одного человека. В этом обстоятельстве были свои хорошие и плохие стороны. Хорошо было то, что никто не мог ему помешать выкупаться и хорошо поплавать. Обидно было, что по той же причине никто не мог восторгаться тем, как красиво и легко Волька плавает и, в особенности, как он замечательно ныряет.

Волька наплавался и нанярялся до того, что буквально посинел. Тогда он стал вылезать на

берег. Он уже совсем было вылез из воды, но передумал и решил ещё раз нырнуть в ласковую прозрачную воду, до дна пронизанную ярким полуденным солнцем.

И вот в тот самый момент, когда он уже собирался подняться на поверхность, его рука вдруг нащупала на дне реки какой-то продолговатый предмет. Волька схватил его и вынырнул у самого берега. В его руках была склизкая, замшевая глиняная бутылка очень странной формы. Горлышко было наглухо замазано каким-то смолистым веществом, на котором было выдавлено что-то отдалённо напоминавшее печать.

Волька прикинул бутылку на вес. Бутылка была тяжёлая, и Волька обмер.

«Клад! – мгновенно пронеслось у него в мозгу. – Клад со старинными золотыми монетами. Вот это здорово!»

Наспех одевшись, он помчался домой, чтобы в укромном уголке распечатать бутылку.

Когда Волька добежал до дому, в его голове уже окончательно сложилась заметка, которая завтра появится во всех газетах. Он даже придумал название. Она должна была называться: «Честный поступок». Текст её должен был быть примерно такой:

«Вчера в 24-е отделение милиции явился пионер² Володя Костыльков и вручил дежурному клад из старинных золотых монет, найденный им на дне реки. По сведениям из достоверных источников, Володя Костыльков – прекрасный ныряльщик».

Волька вбежал в квартиру и, проскользнув мимо кухни, где мама с бабушкой готовили обед, юркнул в комнату и прежде всего запер на ключ дверь. Затем вытащил из кармана перочинный нож и, дрожа от волнения, соскрёб печать с горлышка бутылки.

В то же мгновение вся комната наполнилась едким чёрным дымом и что-то вроде бесшумного взрыва большой силы подбросило Вольку к потолку, где он и повис, зацепившись штанами за крюк, на который предполагалось повесить бабушкину люстру.

III. Старик Хоттабыч

Пока Волька, раскачиваясь на крюке, пытался найти мало-мальски правдоподобное объяснение всему приключившемуся, дым понемножку рассеялся, и Волька вдруг увидел, что в комнате, кроме него, находится ещё одно живое существо. Это был тощий старик с бородой по пояс, в роскошной шёлковой чалме, в таком же кафтане и шароварах и необыкновенно вычурных сафьяновых туфлях.

² Пионер – участник добровольной детской коммунистической организации в СССР (1922–1991). В её рядах состояли почти все школьники 9–14 лет. Отличительными символами пионера были красный галстук и пионерский значок.

– Апчхи! – оглушительно чихнул неизвестный старик и пал ниц. – Приветствую тебя, о прекрасный и мудрый отрок!

– Вы иллюзионист из цирка? – догадался Волька, с любопытством оглядывая сверху незнакомца.

– Нет, повелитель мой, – продолжал старик, – я не иллюзионист из цирка. Знай же, о благословеннейший, что я Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, или, по-вашему, Гассан Абдуррахман Хоттабович.

И случилась со мной – апчхи! – удивительная история, которая, будь она написана иглами в уголках глаз, послужила бы назиданием для поучающихся. Я, несчастный джинн, послушался Сулеймана ибн Дауда – мир с ними обоими! – я и брат мой Омар Хоттабович. И Сулейман прислал своего визиря Асафа ибн Барахию, и он привёл меня насильно, ведя меня в унижении против моей воли. И Сулейман ибн Дауд – мир с ними обоими! – приказал принести два сосуда: один медный, а другой глиняный, и заточил меня в глиняном сосуде, а брата моего, Омара Хоттабовича, – в медном. Запечатал он оба сосуда, оттиснув на них величайшее из имён Аллаха, а потом отдал приказ джиннам, и они понесли нас и бросили брата моего в море, а меня – в реку, из которой ты, о благословенный спаситель мой, – апчхи, апчхи! – извлёк меня. Да продлятся дни твои, о... Извиняюсь, как твоё имя, отрок?

– Меня зовут Волька, – ответил наш герой, продолжая раскачиваться под потолком.

– А имя отца твоего, да будет он благословен во веки веков?

– Папу моего зовут Алёша... то есть Алексей.

– Так знай же, о превосходнейший из отроков, звезда сердца моего, Волька ибн Алёша, что я буду делать впредь всё, что ты мне прикажешь, ибо ты меня спас из страшного заточения, и я твой раб.

– Почему ты так чихаешь? – осведомился ни с того ни с сего Волька.

– Несколько тысяч лет, проведённых в сырости, без благодатного солнечного света, в глубинах вод, наградили меня, недостойного твоего слугу, хроническим насморком. Но всё это сущая чепуха. Повелевай мной, о мой юный господин! – с жаром закончил Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, задрал вверх голову, но продолжая оставаться на коленях.

– Я желаю немедленно очутиться на полу, – неуверенно промолвил Волька.

И в то же мгновение он оказался внизу, рядом со стариком Хоттабычем, как мы будем в дальнейшем величать нашего нового знакомого. Первым делом Волька схватился за штаны. Штаны были абсолютно целы.

Начинались чудеса.

IV. Испытание по географии

– Повелевай мной! – продолжал старик Хоттабыч, глядя на Вольку преданными глазами. – Нет ли у тебя какого-нибудь горя, о Волька ибн Алёша? Скажи, я помогу тебе. Не гложет ли тебя тоска?

– Гложет, – отвечал застенчиво Волька. – У меня сегодня испытание по географии.

– Не беспокойся, о мой повелитель! – возбуждённо заорал старик. – Знай же, что тебе неслыханно повезло, о красивейший из отроков, ибо я больше всех джиннов богат знаниями по географии, я – твой верный раб Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб. Мы пойдём с тобой вместе в школу, да будут благословенны её фундамент и крыша! Я тебе буду незримо подсказывать ответы на все вопросы, и ты прославишься среди учеников твоей школы и среди учеников всех школ твоего великолепного города.

– Замечательно! – сказал Волька.

Он уже открыл дверь, чтобы пропустить вперёд Хоттабыча, но тут же снова закрыл её.

– Придётся тебе сменить одежду.

– Разве мои одежды не услаждают твой взор, о достойнейший из Волек? – огорчился Хоттабыч.

– Безусловно услаждают, – дипломатично ответил Волька, – но всё же слишком уж они будут бросаться в глаза в нашем городе.

Через две минуты из дома, в котором с сегодняшнего дня проживала семья Костыльковых, вышел наш герой, держа под руку старика Хоттабыча. Хоттабыч был великолепен в новой пиджачной паре из белого полотна, украинской вышитой сорочке и твёрдой соломенной шляпе канотье. Единственной деталью его туалета, которую он ни за что не согласился сменить, были туфли. Ссылаясь на мозоли трёхтысячелетней давности, он остался в вычурных, богато расшитых золотом и серебром туфлях, которые в своё время свели бы, наверное, с ума самого большого модника при дворе калифа Гаруна аль Рашида...

– Костыльков Владимир! – торжественно провозгласили за столом, где сидела комиссия.

Волька нехотя встал из-за парты, неуверенным шагом подошёл к столу и вытащил билет № 14 – «Форма и движение Земли».

– Ну что ж, – сказал директор, – докладывай.

– Так, – сказал разомлевший от жары член комиссии и вытер платком вспотевшее лицо. – Так, так, Костыльков. Что же ты можешь рассказать о горизонте?

Старик Хоттабыч, притаившийся за дверьми в коридоре, услышав этот вопрос, что-то беззвучно зашептал.

А Волька вдруг почувствовал, что какая-то неведомая сила против его желания раскрыла ему рот.

– Горизонтом, о высокочтимый мой учитель, – начал он и тут же облился холодным потом, – я осмелюсь назвать, с твоего позволения, ту грань, где хрустальный купол небес соприкасается с краем Земли.

– Что такое, Костыльков? – удивился экзаменатор. – Как понимать твои слова насчёт хрустального свода небес и края Земли: в переносном или буквальном смысле?

– В буквальном, – прошептал за дверью старик Хоттабыч.

И Волька, чувствуя, что несёт несусветную чепуху, вслед за этим ответил:

– В буквальном, о учитель!

Он не хотел этого говорить, но слова вылетали сами, помимо его желания.

С экзаменатора мгновенно сошло сонное настроение, а ученики, изнывавшие на партах в ожидании своей очереди, встрепенулись и зажужжали, как шмели.

– В переносном, – подсказал ему Серёжа Кружкин трагическим шёпотом.

Но Волька снова громко и внятно произнёс:

– Конечно, в буквальном.

– Значит, как же? – забеспокоился экзаменатор. – Значит, небо – это твёрдый купол?

– Твёрдый, – отвечал убитым голосом Волька, и крупные слёзы потекли по его щекам.

– И, значит, есть такое место, где Земля кончается?

– Есть такое место, – продолжал против своей воли отвечать наш герой, чувствуя, что ноги у него буквально подкашиваются от ужаса.

– Да-а... – протянул экзаменатор и с любопытством посмотрел на Вольку. – А что ты можешь сказать насчёт формы Земли?

Старик Хоттабыч что-то трудолюбиво забормотал в коридоре.

«Земля имеет форму шара», – хотел было сказать Волька, но по не зависящим от него обстоятельствам отвечал:

– Земля, о достойнейший из учителей, имеет форму плоского диска и омывается со всех сторон величественной рекою – Океаном. Земля покоится на шести слонах, а те, в свою очередь, стоят на огромной черепахе. Так устроен мир, о учитель!

Старик Хоттабыч в коридоре одобрительно кивнул головой.

Весь класс помирал со смеху.

– Ты, наверно, болен, Воля? – участливо спросил у него директор школы и пощупал его лоб, мокрый от пота.

– Благодарю тебя, о учитель, – отвечал ему Волька, изнемогая от чувства собственного бессилия. – Благодарю тебя. Я, хвала Аллаху, совершенно здоров.

– Придешь, когда выздоровеешь, Воля, – мягко сказал ему тогда директор и вывел его под руку из класса. – Придешь, когда выздоровеешь, и я сам проверю твои знания по географии.

По ту сторону дверей Вольку встретил сияющий Хоттабыч. Он был весел, как жаворонок, очень доволен собой.

– Заклинаю тебя, о юный мой повелитель, – сказал он, обращаясь к Вольке, – потряс ли ты своими знаниями учителей своих и товарищей своих?

– Потряс, – ответил, вздохнув, Волька и с ненавистью посмотрел на старика Хоттабыча.

Старик Хоттабыч самодовольно ухмыльнулся.

V. Хоттабыч действует вовсю

Домой идти не хотелось. На душе у Вольки было отвратительно, и хитрый старик почувствовал что-то неладное. Добрых три часа он рассказывал своему спасителю, сидя на скамейке на берегу реки, о разных своих похождениях. Потом Волька вспомнил, что мама дала ему деньги на билет в кино. Предполагалось, что он пойдёт в кино сразу после того, как сдаст географию.

– Знаешь что, старик, – сказал Волька, загоровшись, – сходим в кино!

– Твои слова для меня закон, о Волька ибн Алёша, – смиренно отвечал старик. – Но скажи мне, сделай милость, что ты подразумеваешь под этим непонятным для меня словом: «кино»? Не баня ли это? Или, может быть, это так у вас называется рынок, где можно погулять, побеседовать со своими друзьями?

– Каждый ребёнок знает, что такое кино. Кино – это... – Тут Волька неопределённо поводит в воздухе руками и добавил: – Ну, в общем, придём – увидишь.

Около кинотеатра стояла большая очередь в кассу.

Над кассой висел плакат: «Детям до шестнадцати лет вход воспрещён».

– Что с тобой, о красивейший из красавцев? – всполошился Хоттабыч, увидев, что Волька вдруг снова помрачнел.

– А то со мной, – с досадой ответил Волька, – что из-за твоих рассказов мы опоздали на

дневной сеанс. Теперь пускают уже только с шестнадцати лет. И потом – видишь, какая очередь. Прямо не знаю, что теперь делать... Домой идти не хочется...

– Ты не пойдёшь домой! – заорал на всю площадь старик Хоттабыч. – Не пройдёт и одного мгновения, как нас пропустят в твоё кино, и мы пройдем в него, окружённые вниманием и восхищением.

«Старый хвастунишка!» – выругался про себя Волька, сжав кулаки. И вдруг обнаружил в правом кулаке два билета в восьмом ряду.

– Ну идём, – сказал старик Хоттабыч, которого буквально распирало от счастья. – Идём. Теперь-то они тебя пропустят.

– Ты уверен в этом? – осведомился Волька.

– Так же, как в том, что тебя ожидает великое будущее. Пусть попробуют не пропустить, – сказал он и подвёл Вольку к зеркалу, висевшему около контроля.

Волька обмер. Из зеркала на него глядело уродливое существо: в коротких штанишках, в пионерском галстуке и с бородой апостола на розовом мальчишеском лице.

VI. Необыкновенное происшествие в кино

Торжествующий Хоттабыч поволок Вольку по лестнице на второй этаж, в фойе.

Наш герой, онемевший от тоски, старательно прикрывал руками продолжавшие бурно расти бороду и усы.

Контролёрша сурово начала:

– Мальчик, детям до шестна...

Но Волька совершенно машинально отнял руки от своего подбородка, и контролёрша поперхнулась.

– Пожалуйста, гражданин, – сказала она и дрожащими от страха руками оторвала контрольные талоны билета.

В фойе было очень душно и жарко.

Переминаясь с ноги на ногу, публика слушала игру джаз- оркестра. До начала сеанса оставалось ещё пятнадцать минут. И казалось, что эти пятнадцать минут никогда не кончатся.

Около самого входа в зрительный зал скучал Женя Богорад, круглолицый, коренастый паренёк, выглядевший значительно старше своих четырнадцати лет. Это был старинный Волькин приятель. Он невыносимо страдал от одиночества. Ему не терпелось рассказать хоть кому-нибудь, как сегодня Волька сдавал испытание по географии. И как назло ни одного приятеля!

Тогда он решил сойти вниз. Авось кого-нибудь судьба пошлёт ему из знакомых. В самых дверях его сшиб с ног старик в канотье и расшитых золотом туфлях, который тащил за руку самого Вольку Костылькова. Волька почему-то прикрывал руками лицо.

– Волька! – крикнул ему Женя и помахал рукой.

Но Костыльков не выказал никаких признаков особой радости. Он даже, наоборот, демонстративно ушёл в самый дальний угол фойе, и Женя обиделся. Он был очень гордый.

«Ну и не надо», – решил он и пошёл в буфет выпить стаканчик сидро.

Поэтому он не видел, как вокруг его приятеля и странного старика начал толпиться народ. Когда же он попытался пробиться к Костылькову, было уже поздно. Вольку и старика Хоттабыча окружала плотная стена из многих десятков людей. Толпа продолжала расти. Граждане, громыхая стульями, оставляли свои места перед эстрадой. Вскоре оркестр играл перед пустыми стульями. И так он играл до самого начала сеанса.

– Скажите, пожалуйста, в чём дело? – спрашивал Женя, неутомимо работая локтями.

Но ему никто не отвечал. Все стремились в заветный угол фойе, где, сгорая от стыда, притаился Волька Костыльков. Вскоре толпа разгалделась настолько, что стала заглушать звуки оркестра.

Тогда навести порядок решил сам директор кинотеатра. Он откашлялся и громко произнёс:

– Граждане, разойдитесь! Что вы, бородатого мальчика не видели, что ли?

Когда эти слова директора донеслись до буфета, все бросили пить чай и прохладительные напитки и ринулись посмотреть на бородатого мальчика.

– Я погиб, ой, как я погиб! – тихо шептал Волька, с отвращением глядя на Хоттабыча.

Хоттабычу было не по себе. Он не знал, что делать.

– О мой юный повелитель! – нервно сказал он. – Прикажи, и все эти презренные зеваки будут превращены в прах вместе с этим трижды проклятым кино.

– Не надо, – горестно ответил Волька, и крупные слёзы покатались по его щекам и пропали в гуще его бороды.

Эта новость немедленно стала известна всем окружавшим Вольку.

– Бородатый мальчик плачет, – пошёл шёпот по всей толпе.

Потом лицо Костылькова вдруг просветлело. Он быстро повернулся к старику и сказал ему голосом, дрожащим от радостного волнения:

– Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, слушай мой приказ!

Старик Хоттабыч низко поклонился и отвечал:

– Слушаю, о мой повелитель!

По толпе пробежал шёпот:

– Старик кланяется этому мальчишке... Вы слышали: оказывается, старик поклонился в ноги этому бородатому мальчику! Тут что-то неладно! Очень интересно!..

Волька продолжал:

– Я приказываю тебе, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб: сделай так, чтобы с моего лица пропала эта проклятая растительность.

– Но тебя тогда выгонят из кино, – пытался было возразить старик Хоттабыч. Однако, увидев нетерпеливый жест Вольки, он покорно ответил: – Слушаю и повинуюсь, о красивейший из красавцев!

– Только, пожалуйста, побыстрее! – зло сказал Волька.

– Слушаю и повинуюсь, – повторил Хоттабыч и что-то зашептал, сосредоточенно прищёлкивая пальцами.

Борода и усы на Волькином лице оставались без изменений.

– Ну? – сказал Волька нетерпеливо.

– Ещё один миг, о Волька ибн Алёша, – отозвался старик, нервно продолжая шептать и щёлкать.

Но борода и усы по-прежнему мирно росли на лице несчастного нашего героя.

Старик Хоттабыч безрезультатно пощёлкал ещё немного. Потом, к удивлению и восторгу окружающих, он вдруг повалился на пол и начал, катаясь по пыльному паркету, бить себя в грудь и царапать лицо.

– О, горе мне, – вопил при этом старик Хоттабыч, – о, горе мне! Тысячелетия, проведённые в этой проклятой бутылке, дали себя знать. Отсутствие практики, увы, губительно отразилось на моей специальности. Прости меня, о юный мой спаситель, но я ничего не могу поделать с твоей бородой и твоими усами! О, горе, горе бедному джинну Гассану Абдуррахману ибн Хоттабу!

– Что ты говоришь, Хоттабыч? – спросил Волька, ничего не разобравший в этих неистовых воплях.

И старик Хоттабыч отвечал ему, продолжая кататься по полу и раздирая на себе одежды:

– О драгоценнейший из отроков, о приятнейший из приятных, не обрушивай на меня свой справедливый гнев... Я не могу избавить тебя от бороды и усов... Я позабыл, как это делается!

Волька прямо-таки закачался от обрушившегося на него нового удара. Потом он со злостью дёрнул самого себя за бороду, застонал и, схватив хныкающего Хоттабыча за руку, поплёлся с ним к выходу сквозь вежливо расступившуюся толпу.

– Куда мы направляем сейчас свои стопы, о Волька? – плаксивым голосом спросил старик.

– В парикмахерскую. Бриться. Немедленно бриться!

VII. В парикмахерской

Парикмахерская районного банно-прачечного треста была переполнена клиентами.

В семь часов двадцать две минуты вечера небритый мастер высунул своё распаренное лицо из мужского зала и крикнул хриплым голосом:

– Очередь!

Тогда из укромного уголка около самой вешалки вышел и уселся в парикмахерском кресле

мальчик с лицом, наполовину закутанным в какую-то белую тряпочку.

– Прикажете постричь? – галантно осведомился парикмахер.

– Побрейте меня, – ответил ему сдавленным голосом мальчик и развязал платок, в котором были спрятаны его борода и усы.

«Вот что значит работать в душном помещении в такую жару, – подумал с тоской парикмахер. Он решил, что у него галлюцинация. – Доработался! Эх, охрана труда, охрана труда, где ты?»

– Побрейте меня, – продолжал мальчик. – Только как можно скорее.

Парикмахер понял, что это не галлюцинация, сразу повеселел и, ухмыльнувшись, ответил:

– Я бы на вашем месте, молодой человек, не брил бороду, а поступил бы в цирк. Вы бы там с такой личностью смогли вполне свободно заработать бешеные деньги.

– Да брейте же поскорее! – крикнул Волька, опасливо глядя на соседние кресла.

Парикмахер, глупо хихикая, приступил к делу. Но было уже поздно, потому что все присутствующие в парикмахерской заметили необыкновенного клиента. Мастера бросили свою работу и с бритвами и ножницами в руках устремились к креслу, на котором сидел несчастный Волька. Клиенты с намыленными щеками, с наполовину побритыми затылками, фыркая и подталкивая друг друга локтями, бесцеремонно обменивались мнениями насчёт Волькиной физиономии.

Со своей стороны и мастер, польщённый всеобщим вниманием, не нашёл ничего умнее, как отпускать грубые шуточки по поводу необычайного уродства мальчика.

Старик Хоттабыч еле сдерживал себя, опасаясь повредить Вольке своим преждевременным вмешательством.

Но вот уже последняя полоска мыла снята вместе с волосами с Волькиного лица, и мастер сказал, давась от смеха:

– Напрасно всё-таки изволили сбривать такую ценность. С такой бородой прямая дорога в цирк. А на худой конец, можно прекрасно подработать на любой ярмарке.

В ответ на эту прощальную реплику вся парикмахерская разразилась таким хохотом, как будто было сказано что-то необыкновенно остроумное. И тогда встал со своего места Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, поднял вверх руки и громовым голосом произнёс:

– Презреннейшие из презреннейших, глупейшие из глупцов! Вы, смеющиеся над чужими несчастьями, подтрунивающие над косноязычными, находящие веселье в насмешках над горбатыми, разве достойны вы носить имя людей!

И он махнул руками.

Через полминуты из дверей парикмахерской выбежали, дробно цокая копытцами, девятнадцать громко бляевших баранов.

VIII. Девятнадцать баранов

Собственно говоря, ничего особенного в парикмахерской не произошло.

Когда разъярённый Хоттабыч начал свою гневную речь и ещё только собирался махнуть руками, Волькин парикмахер, задыхаясь от смеха, гаркнул:

– Это ещё что за чучело гороховое?!

– Ха, ха, ха! Хо, хо, хо! Хи, хи, хи! – грохнула немедленно вся парикмахерская. – Ой, батюшки, уморил! Ай да старичок! Нет, вы на старичка-то посмотрите! Театр, чистый театр!

Хохот стоял такой, что прохожие останавливались, недоуменно заглядывали в окна и двери парикмахерской, собирались кучками у входа и, ещё не зная, в чём дело, смеялись.

– Очередь! – самодовольно провозгласил между тем парикмахер, стараясь перекрыть весёлый шум в зале.

Он деловито вытер бритву, положил её в выдвижной ящик трюмо, обернулся к клиентам и внезапно ослабевшим голосом простонал:

– Ой, мама!

В парикмахерской произошло нечто неслыханное, похожее на дурной сон: все присутствующие, кроме старика Хоттабыча и Вольки, меньше чем в полминуты превратились в баранов.

«Ой, мамочки, что же это такое?» – хотел было прошептать парикмахер-остряк, но изо рта у

него на этот раз вылетели не членораздельные слова, а протяжное и пронзительное «мэ-э-э».

Он испуганно посмотрел в зеркало и вместо своей привычной физиономии увидел на редкость глупую баранью морду. Тогда он горько заплакал, встал на все свои новые четыре ноги и, цокая копытцами, выбежал вместе с остальными восемнадцатью баранами из парикмахерской.

Печально блеявшее стадо сразу застопорило всё уличное движение. Возмущённо загудели сирены автобусов и троллейбусов, настойчиво задребезжали трамвайные звонки, пронзительно зазвучали свистки милиционеров. Водители автомашин, высунувшись из своих кабин, очень нелестно отзывались о внезапно появившемся стаде и его возможных хозяевах. Экстренно выбежали из ворот домов дворники в белых передниках и с метлами в руках.

Неизвестно, сколько продолжался бы этот ералаш, если бы случайно не проходил в это время мимо отец Волькиного приятеля Серёжи Кружкина – Александр Никитич, сотрудник научно-исследовательского института овцеводства. Он был, пожалуй, единственным из взрослых прохожих, который пришёл в восторг от этого стада.

– Вот это бараны! – воскликнул Кружкин с искренним восхищением. – Прелесть какие бараны! Товарищ милиционер, чьи это бараны?

Милиционер в ответ только растерянно развёл руками, и тогда Александру Никитичу пришла в голову дерзкая и не совсем похвальная мысль.

– Позвольте, позвольте... – сказал он, как бы припоминая что-то. – Позвольте, да ведь это, кажется, подопытные бараны, убежавшие сегодня из нашего института! Ну, конечно! Я узнаю вот этого молоденького барашка, я веду над ним наблюдения уже не первый месяц.

Как мы увидим впоследствии, Александр Никитич, сам не зная того, не врал насчёт этого барашка.

Стадо дружно заблеяло. Бараны хотели сказать, что ничего подобного, что они вовсе не подопытные бараны, что они вообще не бараны и что только несколько минут, как они перестали быть людьми, но вместо слов из их широко раскрытых ртов вылетало только печальное «мэ-э-э».

Но так как все они блеяли точь-в-точь как обыкновенные бараны, милиционер, весьма довольный, что нашёлся хозяин этого приبلудного стада, отрядил двух дворников, которые погнали девятнадцать горемычных баранов в чистое, высокое и светлое помещение для животных научно-исследовательского института овцеводства.

Любые другие бараны были бы в восторге от этого комфортабельного помещения, от обильного и разнообразного корма, от чистой и вкусной водопроводной воды в чудесных просторных корытах. Но эти бараны шумели, метались, нарочно влезали в корыта с водой и топали копытами, разбрызгивая воду во все стороны. Принесённый им корм они раскидали по всему полу.

Что касается Александра Никитича, то он наблюдал за поведением баранов спокойно, с большим интересом, что-то прикидывая в уме. Очевидно, он обдумывал какие-то свои планы, связанные с новыми обитателями институтской лаборатории, потому что один раз у него вырвалась фраза:

– М-да! Одного из них придётся, пожалуй, зарезать, чтобы проверить качество мяса...

Услышав эти слова, бараны пришли в такое буйное состояние, что институтским служащим с большим трудом удалось их приковать цепями за ноги к стойлам.

Уже в городе давно загорелись яркие, весёлые огни фонарей, чудесная ночная прохлада спустилась на раскалённый асфальт мостовой, а Александр Никитич всё ещё никак не мог налюбоваться на баранов.

Да и было чем любоваться учёному-овцеводу! Это были превосходные бараны какой-то неведомой породы. И в этом нет ничего удивительного. Ибо ясно, что Гассан Абдурахман ибн Хоттаб знал баранов только той породы, с которой он встречался до своего рокового столкновения с Сулейманом ибн Даудом, то есть около трёх тысяч лет назад.

Кружкин-старший покинул помещение института поздно ночью, решив посвятить своей счастливой находке большую статью в журнале «Прогрессивное овцеводство».

Полный самых приятных мыслей, он отпер дверь своей квартиры. Навстречу ему вышла его жена Татьяна Ивановна.

– Знаешь, Танюша... – начал Александр Никитич с воодушевлением и вдруг заметил, что у жены заплаканное лицо. – В чём дело, Татьяна?

– Шура... – сказала Татьяна Ивановна, и слёзы покатились по её лицу. – Серёженька... наш

Серёжа...

Одним словом, Серёжа Кружкин как ушёл утром в школу, так до сих пор домой и не возвращался.

IX. Вдвоём в парикмахерской

– Неплохо сработано, а? – горделиво спросил старик Хоттабыч, с удовлетворением поглядывая на выбегавших из парикмахерской баранов. – Да позволено будет мне по этому случаю признаться тебе, о прелестный Волька ибн Алёша: я не сразу решил, что мне делать с ними. Поверишь ли, мне стыдно об этом вспомнить – сначала я хотел поразить их громом с неба. Ведь это дурной тон – поражать людей громом с неба. Это ведь каждый может сделать.

Старик явно напрашивался на комплименты.

Но Волька, у которого от всего виденного мороз продирает по коже, нашёл всё-таки в себе мужество, чтобы вступить за науку.

– Удар грома, – сказал Волька, еле сдерживая дрожь, – никого поразить не может. Поражает людей разряд атмосферного электричества – молния. А гром не поражает. Гром – это звук.

– Не знаю, – сухо ответил старик, не желавший опускаться до споров с мальчишкой. Но тут же он понял, что взял не тот тон, который нужно было, и его морщинистое лицо расплылось в простодушной улыбке. – Не могу без смеха вспомнить, о мудрейший из отроков, как эти люди превращались в баранов! Сколь забавно это было, не правда ли?

Волька не находил в происшедшем ничего забавного. Его страшила судьба новоявленных баранов. Их свободно могли зарезать на мясо. Их могло раздавить автобусом, вообще с ними могли случиться самые разнообразные неприятности. Словом, старик явно перестарался. Вполне достаточно было бы поместить про них фельетон в «Пионерской правде» или в «Крокодиле», не упоминая, конечно, про его бороду. Можно было, на худой конец, публично обругать их баранами. Но превращать людей в баранов – это уже слишком.

Волька окинул грустным взором опустевшую парикмахерскую. Ещё дымилась на полу намоченная в кипятке салфетка, которую несчастный мастер собирался приложить в виде компресса к побритым щекам не менее несчастного клиента. Вокруг кресел валялись в беспорядке ножницы, бритвы, кисти для бритья, машинки для стрижки волос. В мыльницах сиротливо белела пышно взбитая мыльная пена.

– Знаешь ли ты, о прелестный зрачок моего глаза, – продолжал между тем петушиться Хоттабыч, – я давно уже не колдовал с таким удовольствием! Разве только когда я превратил одного багдадского судью-взяточника в медную ступку и отдал её знакомому аптекарю. Аптекарь с самого восхода солнца и до полуночи толоч в ней пестиком нарочно самые горькие и противные снадобья. Не правда ли, здорово, а?

– Очень здорово, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб! Прямо замечательно!

На сей раз Волька говорил совершенно искренне.

– Я так и знал, что тебе это понравится, – сказал с достоинством старик и добавил: – Ну, а теперь пойдём прочь, подальше от этой отвратительной цирюльни.

И потащил Вольку к выходу.

– А касса? А инструменты? А мебель? – воскликнул наш юный герой, упираясь.

Старик обиделся:

– Не хочешь ли ты предложить мне, старому джинну Гассану Абдуррахману ибн Хоттабу, украсть эти кресла и бритвы? Только прикажи мне, и у тебя будет сколько угодно роскошных кресел, мыльниц, ножниц и бритвенных приборов, которыми не пренебрёг бы и сам Сулейман ибн Дауд, да будет мир с ними обоими!

– Да нет же, – сказал тогда с досадой Волька. – Совсем наоборот: я боюсь, что мы уйдём, а парикмахерскую обворуют.

– И пусть обворуют, – жёстко ответил Хоттабыч, – так этим смешливым бездельникам и надо.

– Фу-ты, чепуха какая! – вконец возмутился Волька. – Парикмахерская ведь государственная, старый ты балда!

– Да позволено будет мне узнать, что ты, о бриллиант моей души, подразумеваешь под этим неизвестным мне словом «балда»? – осведомился с любопытством старик Хоттабыч.

Волька от смущения покраснел, как помидор.

– Понимаешь ли... как тебе сказать... э-э-э... ну, в общем, слово «балда» означает «мудрец».

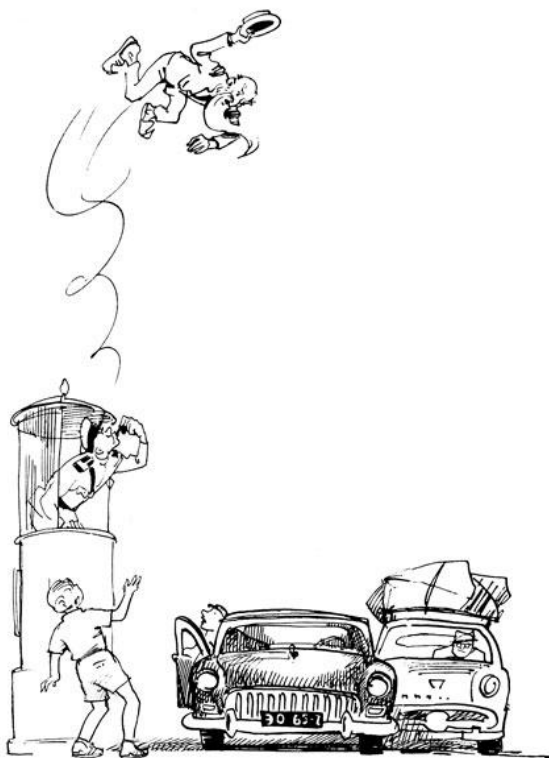
Тогда Хоттабыч запомнил это слово, чтобы при случае блеснуть им в разговоре.

А Волька решительно защёлкнул дверь парикмахерской на английский замок, предварительно заперев кассу и убрав на место валявшиеся инструменты. А в окошке он повесил первую попавшуюся под руку табличку. На табличке было написано:

ЗАКРЫТО НА ОБЕД

Х. Беспокойная ночь

Как раз в это время стадо баранов, подгоняемое озабоченными дворниками, потянулось по направлению к научно-исследовательскому институту овцеводства. Уличная пробка немедленно стала рассасываться, и несколько десятков автобусов, грузовиков, легковых машин, трамваев и троллейбусов сразу тронулись с места. Зажглись притушенные фары, сердито зафыркали и запыхтели моторы, загудели сирены, раздражённо задребезжали трамвайные звонки. Тогда Хоттабыч страшно изменился в лице и громко возопил: – О горе мне, слабому и несчастному джинну! Джирджис, могучий и беспощадный царь шайтанов и ифритов³, не забыл нашей старинной вражды! И вот он наслал на меня страшнейших своих чудовищ!

С этими словами он стремительно отделился от тротуара, уже где-то высоко, на уровне третьего или четвёртого этажа, снял свою соломенную шляпу, помахал ею Вольке и медленно растаял в воздухе, крикнув на прощание:

– Я постараюсь разыскать тебя, о Волька ибн Алёша! Пока!

Между нами говоря, Волька даже обрадовался исчезновению старика. Было не до него. У Вольки буквально подкашивались ноги при одной мысли, что ему сейчас предстоит возвратиться домой.

На новой квартире дым стоял коромыслом. Мебель была расставлена кое-как, на диване лежала куча всякой одежды, которая почему-то никак не влезала в шкаф. Столовая была загромождена ящиками с книгами и всякой домашней утварью. Бабушка стряпала вместе с матерью ужин для отца,

³ Шайтаны и ифриты – джинны, духи, часто злые, враждебные Аллаху и людям.

который только недавно вернулся с работы и с места в карьер принялся вколачивать в стенки гвозди для портретов. Словом, у взрослых было столько забот, что они не имели никакой возможности присмотреться к тому, как выглядят Волькины щёки. Наспех отругав его за полуночничание, они вновь занялись своими делами. А Волька, которому пережитое за день основательно отшибло аппетит, отказался от ужина и, сказавшись усталым, завалился спать.

Он лежал один в своей тёмной комнате. Время от времени он шупал свои бритые щёки и горестно стонал. А в это время было слышно, как за стеной отец, развесив наконец портреты, начал распаковывать ящики с книгами. Потом донеслись голоса бабушки и матери, звон посуды, ножей и вилок, прекратился стук молотка и скрежет открываемых ящиков: родители сели ужинать.

– Воля! – крикнула сыну мать из столовой. – Может быть, всё-таки придёшь поужинать?

– Нет, мамочка, мне что-то не хочется, – скорбно ответил Волька и вдруг почувствовал, что ему очень хочется кушать. Терзаемый голодом, он ворочался с боку на бок, пока в квартире не погасили свет и не затихли разговоры. Прождав ещё некоторое время и убедившись, что старшие действительно уснули, он осторожно слез с кровати и босиком, на цыпочках пробрался в столовую. Его привыкшие к темноте глаза уже различили в синем полумраке заветную дверцу буфета, когда вдруг тишину квартиры пререзала дробная трель телефонного звонка.

Проклиная телефон и его изобретателя, Волька опрометью бросился в свою комнату и, осторожно улёгшись на кровати, стал выжидать того счастливого момента, когда он сможет беспрепятственно добраться до буфета.

– Да, это я, – донёсся в это время заспанный голос Алексея Алексеевича, подошедшего к телефону. – Да... Здравствуйте, Николай Никандрович... Что?.. Нет, нету... Да, дома... Пожалуйста. До свиданья, Николай Никандрович.

– Это кто звонил? – заинтересовалась Волькина мать из спальни, и Алексей Алексеевич ответил:

– Это отец Жени Богорада. Волнуется, что Женя до сих пор не вернулся домой. Спрашивал, не у нас ли Женя и дома ли Волька...

– В мои годы, – вмешалась в разговор бабушка, – так поздно возвращались домой только гусары... Но чтобы ребёнок...

Минут десять прошло, пока, судя по всем признакам, старшие наконец уснули, и тогда Волька с теми же мерами предосторожности опять отправился в свою тайную экспедицию за съестным. Вот он благополучно добрался до самого буфета и уже раскрыл дверцу, когда снова раздался оглушительный телефонный звонок. И снова Волька вынужден был, голодный и злой, позорно бежать из столовой.

На этот раз звонила Татьяна Ивановна, мать Серёжи Кружкина. Она тоже справлялась, не у них ли засиделся её сын и нельзя ли в крайнем случае узнать о нём у Вольки.

– Пожалуйста, – любезно согласился Алексей Алексеевич и, приоткрыв дверь Волькиной комнаты, окликнул сына.

Тут немедленно вмешалась бабушка:

– Как тебе не стыдно, Алёша! Ребёнок устал после экзаменов, а ты его будишь!

– Хорош ребёнок, – проворчал Алексей Алексеевич. – У этого ребёнка скоро борода начнёт расти.

И он вернулся к телефону, не подозревая даже, насколько близок он был к истине, когда говорил насчёт бороды.

Долго, очень долго ждал Волька, когда прекратятся наконец разговоры старших насчёт Жени и Серёжи, и, так и не дождавшись, незаметно заснул сам.

Поздно ночью пошёл дождь. Он весело стучал в окна, лихо шумел в густой листве деревьев, деловито журчал в водосточных трубах. Временами он затихал, и тогда слышно было, как крупные дождевые капли солидно и увесисто падали с карнизов в бочку, стоявшую под окном. Потом, как бы набравшись сил, дождь снова начинал лить густыми потоками. Под такой дождь очень приятно спать, он действует убаюкивающе даже на людей, страдающих бессонницей, а Волька никогда не жаловался на бессонницу.

К утру, когда небо почти прояснилось от туч, кто-то осторожно тронул несколько раз нашего крепко спавшего героя за плечо. Но Волька продолжал спать. И тогда тот, кто тщетно пытался разбудить Вольку, печально вздохнул, что-то пробормотал себе под нос и, шаркая туфлями,

направился в уголок комнаты, где на специальной тумбочке стоял Волькин аквариум с золотыми рыбками. Затем раздался еле слышный всплеск воды, и снова воцарилась сонная тишина.

XI. Не менее беспокойное утро

Утро наступило чудесное, солнечное.

В половине седьмого бабушка, тихо приоткрыв дверь, прошла на цыпочках к окну и распахнула его настежь. В комнату сразу ворвался бодрящий, прохладный воздух и вместе с ним радостный хор птиц, автомобилей и человеческих голосов. Начиналось городское утро, шумное, весёлое и хлопотливое. Но Волька не проснулся бы, если бы одеяло не соскользнуло с него на пол.

– Батюшки, – заволновался он, посмотрев на будильник, стоявший рядом на столике, – опоздал! Ей-богу, опоздал! Серёжка уже добрый час ждёт меня на реке удить рыбу.

Волька огорчённо шлёпнул себя по щеке и, наколовшись на выросшую за ночь щетину, сразу вспомнил про вчерашние события и понял, что находится в совершенно безвыходном положении. Тогда он снова забрался под одеяло и начал, уныло похныкивая, думать, что ему делать.

– Воля, а Воля! Ты уже встал? – услышал он донёсшийся из столовой голос отца, но решил лучше не отвечать. – Воля, ну вставай же, пора завтракать, – продолжал отец. – Не понимаю, как можно спать, когда на дворе такое замечательное утро.

Он говорил это, очевидно, бабушке, потому что в ответ раздался её сварливый голос:

– Вот заставить бы тебя самого, Алёша, сдавать экзамены да потом разбудить бы тебя ни свет ни заря.

Бабушка всё время вела примиренческую линию по отношению к своему единственному внуку.

– Ну и пускай его спит! – пробурчал отец, принимаясь за завтрак. – Небось захочет есть, сразу проснётся.

Каково Вольке было слышать эти слова! Он буквально изнемогал от голода и иногда ловил себя на том, что яичница с куском чёрного хлеба его сейчас волнует больше, чем рыжая щетина на его щеках. Но здравый смысл взял всё-таки верх над чувством голода, и Волька пролежал в постели до тех пор, пока отец не ушёл на работу, а мать не отправилась с кошёлкой на рынок.

Прошло два часа, а Волька так и не придумал выхода из своего трагического положения.

«Была не была! – решил он тогда. – Расскажу всё бабушке. Авось вместе что-нибудь изобретём».

И чтобы отрезать себе путь к отступлению, он тут же крикнул:

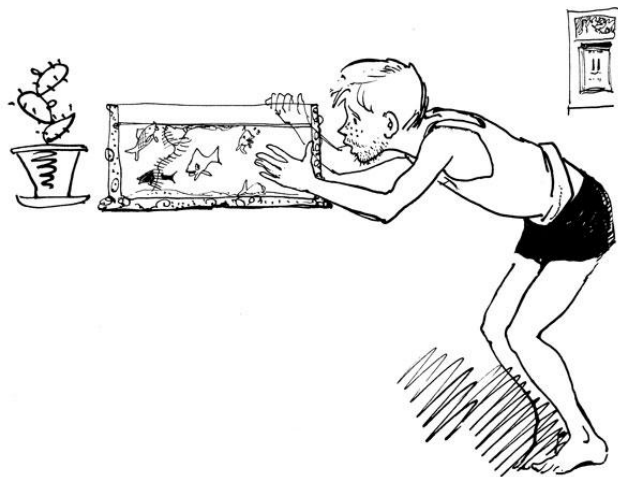
– Бабушка, а бабушка!

– Ишь ты, проснулся всё-таки, – обрадовалась бабушка, которой было скучно одной в квартире. – Иду, иду, полуночник.

Её лёгкие шаги послышались уже совсем близко, когда Волька, рассеянно взглянувший на свой аквариум, вдруг быстро подскочил к двери и закрыл её на ключ.

– Я скоро, бабушка, я только оденусь и сам приду в столовую, – сказал он и, чем-то очень взволнованный, подбежал к аквариуму.

Это был совсем обычный маленький аквариум, но Волька, посмотрев на него в это беспокойное утро, всполошился не даром. Дело в том, что по сравнению со вчерашним днём в этом аквариуме произошли серьёзные изменения, никак не объяснимые с точки зрения естественных наук и полные поэтому таинственного смысла: за ночь население аквариума увеличилось. Вчера было четыре рыбки, а сегодня стало пять! Появилась ещё одна, новая, толстая золотая рыбка, важно шевелившая своими пышными ярко окрашенными плавниками. Когда изумлённый Волька прильнул к толстому стеклу аквариума, ему показалось, что она несколько раз хитро подмигнула ему.

– Что за ерунда! – пробормотал озадаченный Волька и сунул руку в воду, чтобы схватить загадочную рыбку, но она сама, сильно ударив хвостом по воде, выскочила из аквариума на пол и в мгновение ока превратилась в старика Хоттабыча.

– Уф! – сказал Хоттабыч, отряхиваясь и вытирая полый пиджака свою мокрую бороду. – Я всё утро ожидаю чести выразить тебе своё почтение. Но ты не просыпался, как я ни старался разбудить тебя. И мне пришлось переночевать в аквариуме, о счастливейший Волька ибн Алёша!

– Как не стыдно смеяться надо мной! – разозлился Волька. – Только в насмешку можно назвать счастливцем мальчика с бородой.

XII. Почему С. С. Пивораки переменял фамилию

Ничего не произошло бы, если бы Степан Степанович Пивораки не решил в это очаровательное утро совместить сразу два удовольствия: он захотел побриться, наслаждаясь одновременно живописным видом на реку. Поэтому он придвинул к самому окну столик, на котором расположил бритвенные принадлежности, и принялся, мурлыча под нос весёлую песенку, тщательно намыливать себе щёки.

Мы позволим себе использовать время, которое Степан Степанович употребляет для намыливания своей физиономии, и вкратце расскажем о нашем новом знакомом.

По странному совпадению обстоятельств, его фамилия полностью соответствовала одной из двух основных его слабостей: он любил пить пиво и закусывать его аппетитными красными раками.

Второй его слабостью была излишняя словоохотливость, из-за которой он, человек, вообще говоря, неглупый и начитанный, нередко становился в тягость даже самым близким своим друзьям.

При этом он был превосходным парнем и большим мастером своего дела. Он был лекальщиком.

Закончив намыливать свои щёки, Степан Степанович взял в руку бритву и принялся с необыкновенной лёгкостью водить ею по щекам. Затем он с наслаждением обрызгал себя из пульверизатора цветочным одеколоном «Орхидея» и принялся вытирать бритву, когда вдруг неожиданно рядом с ним, неизвестно каким путём, возник старичок в канотье и расшитых золотом и серебром туфлях.

– Ты брадобрей? – сурово спросил старичок у опешившего Степана Степановича.

– Во-первых, – вежливо ответил ему Пивораки, – я попрошу вас не тыкать. А во-вторых, вы, очевидно, хотели сказать «парикмахер»? Нет, я не профессионал-парикмахер. Хотя, с другой стороны, я могу сказать про себя, что да, я парикмахер. Потому что, не будучи парикмахером, или, как вы выразились, брадобреем, я могу всё же заткнуть за пояс любого парикмахера-профессионала, или, как вы выразились, брадобрея, тогда как ни один парикмахер не может заткнуть за пояс меня. А почему? Да потому, что я в уме...

Старик очень невежливо прервал разговарившегося Пивораки на полуслове:

– Сумеешь ли ты отлично побрить отрока, которому ты недостойн даже целовать пыль под его стопами?

– Я бы вторично просил вас не тыкать, – снова возразил Степан Степанович. – Что же касается

существа затронутого вами вопроса...

Он хотел было продолжать свою речь, но старик молча собрал все бритвенные принадлежности, ухватил за шиворот продолжавшего ораторствовать Степана Степановича и, не говоря худого слова, вылетел с ним через окошко в неизвестном направлении.

Несколько лётных минут, и они через окошко же влетели в знакомую нам комнату, где, пригорюнившись, сидел на своей кровати Волька Костыльков, изредка со стоном поглядывая в зеркало на свою бородатую физиономию.

– Счастье и удача сопутствуют тебе во всех твоих начинаниях, о юный мой повелитель! – провозгласил торжественно старик, не выпуская из своих крепких рук пытавшегося вырваться Степана Степановича. – Я совсем было отчаялся найти тебе брадобрея, когда увидел в окне сего болтливового мужа, и я захватил его с собою, и вот он перед тобою со всеми инструментами, необходимыми для бритья... А теперь, – обратился он к Пивораки, который таращил глаза на бородатого мальчика, – разложи, как это подобает, свои инструменты и побрей этого отрока так, чтобы его щёки стали гладкие, как у юной девы.

– Я попросил бы не тыкать, – нерешительно ответил гордый Степан Степанович, но вступать в продолжительную дискуссию не счёл целесообразным, безропотно намылил Волькины щёки, и бритва заблестела в его руке.

Вскоре Волькины щёки стали гладкими.

– А теперь, – сказал старик Степану Степановичу, который буквально осунулся за последние полчаса, – сложи свои инструменты и приходи сюда через окно завтра рано утром. Тебе придётся снова побрить этого отрока, да славится его имя среди всех отроков этого города!

– Я попросил бы не тыкать, – устало возразил Степан Степанович и после непродолжительного молчания добавил: – Завтра я не смогу. Завтра я работаю в ночную смену.

Хоттабыч посмотрел на него так многозначительно, что Степан Степанович еле смог выдавить из себя вопрос:

– А, извините за назойливость, как часто мне придётся лазить по утрам через окошко к этому молодому товарищу?

– Пока у него не перестанет расти борода, – сурово ответил старик, и Степан Степанович с тоской подумал, что борода у этого молодого человека, очевидно, ещё только начала расти и вряд ли перестанет расти до самой его смерти.

Тогда у Степана Степановича от горя подкосились ноги, он тяжело упал на стул и пролепетал:

– В таком случае, мне придётся перейти на такое предприятие, где работают в одну смену.

– Меня это не касается, – сухо ответил старик.

– Разрешите второй вопрос, – сказал Степан Степанович, с трудом ворочая языком, – может быть, всё-таки лучше будет вам попробовать средство для удаления волос, которое можно будет приобрести в любой аптеке? Это избавило бы нашего молодого товарища от необходимости бриться каждый день.

– Я не завидую твоей судьбе, если ты нам врёшь про это средство, – зловеще проговорил Хоттабыч и, отпустив перепутанного насмерть Степана Степановича, отправился в ближайшую аптеку.

Вскоре он вернулся с аккуратно завязанным пакетиком.

– Мы испробуем это средство, когда закатится солнце, о благородный отрок, – сказал он повеселевшему Вольке, который поджидал его у подъезда, уписывая за обе щеки огромный кусок пирога с капустой.

Что же касается Степана Степановича Пивораки, который больше уже не появится в нашей глубоко правдивой повести, то доподлинно известно, что он после описанных выше злоключений совершенно изменился.

Раньше болтливый, он стал сейчас скуп на слова и каждое из них тщательно взвешивает, перед тем как произнести. Недавно ещё большой любитель выпить, он решительно прекратил после этого дня потреблять алкогольные напитки и даже, если верить слухам, переименовал фамилию Пивораки на более соответствующую его теперешнему настроению фамилию – Ессентуки.

XIII. Интервью с лёгким водолазом

Всю ночь родители Серёжи Кружкина и Жени Богорада провели на ногах. Они звонили по телефону всем своим знакомым, объездили на такси все отделения милиции, все больницы, побывали в уголовном розыске и даже в городском морге. И всё безрезультатно. Ребята как в воду канули.

Наутро директор школы вызвал к себе и лично опросил всех одноклассников Серёжи и Жени, в том числе и Вольку Костылькова. Волька честно рассказал про вчерашнюю встречу с Женей Богорадом в кино, благоразумно умолчав, конечно, про бороду. При этом он страшно волновался, как бы директор или кто-нибудь из присутствующих не обратил внимания на его бритые щёки. Но директору было не до Волькиных щёк.

Одна из девочек, немного поплакав, вспомнила, что часов около восьми вечера она встретила Серёжу на Пушкинской улице. Серёжа был в превосходном настроении и спешил домой обедать. Такие же показания дали ещё несколько учеников, но ни одно из них не помогло найти нити для дальнейших поисков.

Уже школьники, задумчивые и невесёлые, собирались разойтись по домам, когда вдруг один мальчик вспомнил, что Серёжа с Женей собирались после школы пойти купаться. И тогда все похолодели от страшной мысли. Ну, конечно, ребята пошли купаться и утонули.

Через полчаса все наличные силы ОСВОДа⁴ были брошены на розыски юных утопленников. Сотрудники спасательных станций старательно обшарили баграми всю реку в пределах черты города, но ничего не нашли. Водолазы добросовестно обходили русло реки, подолгу прощупывая омуты, и также ничего не обнаружили.

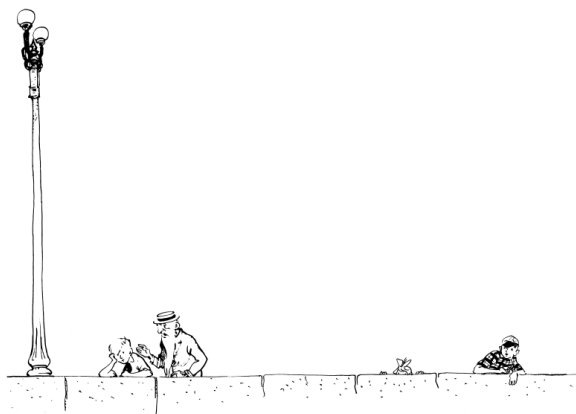
Так они и доложили своему начальнику. Начальник снял свою форменную фуражку, вытер носовым платком лоб, вспотевший от жары и забот, и приказал продолжать поиски вплоть до наступления темноты.

Уже спускалась над рекой огненная стена заката, слабый ветер доносил из Парка культуры низкие звуки сирены – знак того, что в летнем театре начинался вечерний спектакль, а на реке ещё виднелись тёмные силуэты осводовских лодок, разыскивающих Серёжу и Женю.

В этот прохладный и тихий вечер не сиделось дома. Тем более что Волька только что натёр

⁴ ОСВОД – Общество содействия развитию водного транспорта и охраны жизни людей на водных путях СССР (1931–1943), позднее Общество спасания на водах.

свои щёки средством для удаления волос, и лицо действительно стало почти совсем гладким.

– Ничего, о Волька ибн Алёша, – успокоил его Хоттабыч, – на сегодня вполне достаточно, а завтра к вечеру истечёт срок колдовства, и тогда растительность на твоём лице исчезнет, как будто её и не было вовсе. Ибо, к счастью, я заколдовал тебя малым колдовством.

– Пойдём погуляем, что ли, – сказал Волька, и вскоре они уже шагали вдоль широкой асфальтированной набережной.

– Что это за люди со странными головами стоят в этих утлых судёнышках? – спросил старик, указывая на осводовские лодки.

– Это лёгкие водолазы, – печально отвечал Волька, вспомнив о своих пропавших друзьях.

– Мир с тобою, о достойный лёгкий водолаз! – величественно обратился тогда Хоттабыч к одному из водолазов, высаживавшемуся из лодки на берег. – Что ты разыскиваешь здесь, на дне этой прохладной реки?

– Утонули два мальчика, вот мы их и ищем, – ответил водолаз и быстро взбежал по ступенькам в помещение спасательной станции.

– Я не имею больше вопросов, о высокочтимый лёгкий водолаз, – промолвил ему вслед Хоттабыч.

Затем он вернулся к Вольке, низко поклонился и произнёс:

– Целую землю у ног твоих, о достойнейший из учащихся неполной средней школы!

– В чём дело?

– Правильно ли я понял этого лёгкого водолаза, что он разыскивает двух отроков, имеющих высокую честь быть твоими товарищами?

Волька вместо ответа молча кивнул головой.

– И один из них лицом круглолиц, телом коренаст, носом курнос, и волосы его подстрижены не так, как это подобает отроку?

– Да, это Женя. У него причёска «бокс». Он был большой франт, – сказал Волька и очень грустно вздохнул.

– Мы его видели вчера в кино? Это он что-то тебе кричал и ты был опечален, что он всем расскажет о твоей бороде?

– Да, верно. Откуда ты узнал, что я об этом подумал?

– И теперь ты боишься, что найдут твоего приятеля Женю? – продолжал старик, не отвечая на Волькин вопрос. – Так не бойся же этого.

– Неправда! Совсем не то, – обиделся Волька. – Совсем я не этим опечален. Мне, наоборот, очень грустно, что Женя утонул.

Хоттабыч с сожалением посмотрел на Вольку и, победоносно ухмыльнувшись, сказал:

– Он не утонул.

– Как не утонул?! Откуда ты знаешь?

– Мне ли не знать! – сказал тогда, торжествуя, Хоттабыч. – Я подстерёг его вчера, когда он выходил из кино, и продал в рабство в Индию. Пусть он там кому хочет рассказывает о твоей бороде...

XIV. Намечается полёт

– То есть как это – в рабство?! – переспросил потрясённый Волька.

Старик понял, что опять что-то получилось не так, и его лицо приняло кислое выражение.

– Очень просто, обыкновенно, как всегда продают в рабство! – нервно огрызнулся он. – Взял и продал в рабство. Чтобы не болтал.

– И Серёжку ты тоже продал?

– Вот уж кого не продавал, того не продавал. Кто это такой Серёжка, о прелестнейший?

– Он тоже пропал. Женя пропал, и он пропал.

– Я не знаю мальчика по имени Серёжка, о величайший в мире балда!

– Это кого ты назвал балдой? – полез Волька в амбицию.

– Тебя, Волька ибн Алёша, ибо ты не по годам мудр, – сказал Хоттабыч, очень довольный, что ему удалось так кстати вернуть слово, которое он впервые услышал от Вольки в парикмахерской.

Волька сначала хотел обидеться, но вовремя вспомнил, что обижаться в данном случае нужно только на самого себя. Он покраснел и, стараясь не смотреть в честные глаза старика, попросил Хоттабыча не называть его балдой, ибо он не заслуживает этого звания.

– Хвалю твою скромность, бесценный Волька ибн Алёша, – молвил Хоттабыч и устало добавил: – А теперь не говори мне больше ничего об этом Серёжке, ибо я ослаб от множества вопросов и умолкаю.

Тогда Волька сел на скамейку и заплакал от бессильной злобы. Старик всполошился, он не понял, в чём дело. Робко усевшись на самый край скамейки, он умоляюще заглянул в Волькины заплаканные глаза и прошептал:

– Что означает этот плач, тебя одолевший? Отвечай же, не разрывай моего сердца на куски, о юный мой господин!

– Верни, пожалуйста, обратно Женю.

Хоттабыч внимательно посмотрел на Вольку, пожевал губами и задумчиво произнёс, обращаясь больше к самому себе, нежели к Вольке:

– Я сам себе удивляюсь. Что бы я ни сделал, всё тебе не нравится. В другое время я бы тебя давно наказал за твою строптивость. Мне для этого стоило бы лишь двинуть пальцем. А теперь я не только не наказываю тебя, но даже чувствую себя в чём-то виноватым. Интересно, в чём дело? Неужели в старости? Эх, старею я...

– Что ты, что ты, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, ты ещё очень молодо выглядишь! – сказал сквозь слёзы Волька.

Действительно, старик для своих трёх с лишним тысяч лет сохранился совсем неплохо. Ему нельзя было дать на вид больше ста, ста десяти лет. Скажем прямо: любой из нас выглядел бы в его годы значительно старше.

– Ну, уж ты скажешь – «очень молодо», – самодовольно ухмыльнулся Хоттабыч и, доброжелательно взглянув на Вольку, добавил: – Нет, вернуть сюда Женю я, поверь мне, не в силах...

У Вольки снова появились слёзы.

– Но, – продолжал Хоттабыч многозначительно, – если ты не возражаешь, мы можем за ним слетать...

– Слетать?! В Индию? На чём?

– То есть как это на чём? Конечно, на ковре-самолёте. Не на птицах же нам лететь, – ехидно отвечал старик.

– Когда можно вылететь? – всполошился Волька.

И старик ответил:

– Хоть сейчас!

– Тогда немедленно в полёт! – сказал Волька и тут же спохватился: – Вот только не знаю, как быть с родителями. Они будут волноваться, если я улечу, ничего им не сказав. А если скажу, то не пустят.

– Пусть это тебя не беспокоит, – отвечал старик, – я сделаю так, что они тебя ни разу не вспомнят за время нашего отсутствия.

– Ну, ты не знаешь моих родителей!

– А ты не знаешь Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба.

XV. В полёте

В одном уголке ковра-самолёта ворс был в неважном состоянии – это, наверное, постаралась моль. В остальном же ковёр отлично сохранился, а что касается кистей, украшавших его, то они были совсем как новые. Вольке показалось даже, что он уже где-то видел точно такой ковёр, но никак не мог вспомнить где. Не то на квартире у Серёжи, не то в учительской, в школе.

Старт был дан в саду при полном отсутствии публики. Хоттабыч взял Вольку за руку и поставил его рядом с собой на самой серединке ковра. Затем он вырвал три волоса из своей бороды, дунул на них и что-то зашептал, сосредоточенно закатив глаза. Ковёр затрепетал, один за другим поднялись вверх все четыре угла с кистями, потом выгнулись и поднялись вверх края ковра, но середина его продолжала покоиться на траве под тяжестью пассажиров. Потрепетав немножко, ковёр застыл в неподвижности.

Старик сконфуженно засуетился:

– Прости меня, о любезный Волька. Случилось недоразумение. Я это всё сейчас исправлю.

Хоттабыч с минутку подумал, произведя какие-то сложные вычисления на пальцах. Очевидно, на сей раз он пришёл к правильному решению, потому что лицо его сразу прояснилось. Он бодро выдрал из своей бороды ещё шесть волосинок, половинку одной из них оторвал и выбросил как лишнюю, а на остальные, как и в первый раз, подул и произнёс, закатив глаза, заклинания; теперь ковёр выпрямился, стал плоским и твёрдым, как лестничная площадка, и стремительно рванулся вверх, увлекая на себе улыбающегося Хоттабыча и Вольку, у которого голова кружилась не то от восторга, не то от чувства высоты.

Ковёр поднялся выше самых высоких деревьев, выше самых высоких домов, выше самых высоких фабричных труб и поплыл над городом, полным сияющего мерцания огней. Снизу доносились приглушённые человеческие голоса, автомобильные сирены, пение гребцов на реке, отдалённые звуки духового оркестра.

Вечерняя темнота окутала город, а здесь, наверху, ещё виден был багровый солнечный диск, медленно катившийся за горизонт.

– Интересно, – промолвил Волька задумчиво, – интересно, на какой мы сейчас высоте?

– Локтей шестьсот – семьсот⁵, – отвечал Хоттабыч, продолжая что-то высчитывать на пальцах.

Между тем ковёр лёг на курс, продолжая одновременно набирать высоту, и Вольке надоело стоять неподвижно. Он осторожно нагнулся и попытался сесть, поджав под себя ноги, как это сделал Хоттабыч, но никакого удовлетворения, а тем более удовольствия от этого способа сидения не испытал. Тогда, зажмурив глаза, чтобы побороть противное чувство головокружения, Волька уселся, свесив ноги с ковра. Так сидеть было удобнее, но зато немилосердно дуло в ноги, их относил ветер в сторону.

Ковёр вошёл в полосу облаков. Из-за пронизывающего тумана Волька еле мог различать своего спутника, хотя тот сидел рядом с ним. Ковёр, кисти ковра, Волькина одежда и всё находившееся в его карманах набухло от сырости.

– У меня есть предложение, – сказал Волька, щёлкая зубами.

– М-м-м? – вопросительно промычал Хоттабыч.

– Я предлагаю набрать высоту и вылететь из полосы тумана.

– С любовью и удовольствием, любезный Волька. Сколь поразительна зрелость твоего ума!

Ковёр, хлюпая набухшими кистями, тяжело взмыл вверх, и вскоре над ними уже открылось чистое тёмно-синее небо, усеянное редкими звёздами, а под ними покоилось белоснежное море облаков с застывшими округлыми волнами.

Теперь наши путешественники уже больше не страдали от сырости, они теперь страдали от холода.

– Х-х-хор-про-шо б-было б-бы сейчас д-достать чего-нибудь т-тёпленького из одежды, – сказал Волька, у которого зуб на зуб не попадал.

– П-по-по-жалуйста, о блаженный Волька ибн Алёша, – отвечал Хоттабыч и прикрыл свернувшегося калачиком Вольку неведомо откуда появившимся халатом. Халат был из чудесной тонкой материи, превосходной расцветки и имел только один – правда, довольно существенный – недостаток. Он был рассчитан на пользование им в Багдаде или в Дамаске, и поэтому при температуре в четыре градуса мороза он не столько заменял собою одеяло, сколько создавал красивую, но не греющую видимость его.

И всё же Волька уснул. Он спал, а ковёр-самолёт неслышно пролетал над горами и долинами, над полями и лугами, над реками и ручейками, над сёлами и городами. Всё дальше и дальше на юго-восток, всё ближе и ближе к таинственной Индии, где томился в цепях юный невольник Женья Богорад.

Волька проснулся через два часа, когда ещё было совсем темно. Его разбудили стужа и какой-то тихий мелодичный звон, походивший на звон ламповых хрустальных подвесков. Это звенели сосульки на бороде Хоттабыча и обледеневшие кисти ковра. Вообще же весь ковёр покрылся противной, скользкой ледяной коркой. Это немедленно отразилось на его лётных качествах и в первую очередь на скорости его полёта. Кроме того, теперь при самом незначительном вираже этого сказочного средства передвижения его пассажирам угрожала смертельная опасность свалиться в пропасть. А тут ещё начались бесчисленные воздушные ямы. Ковёр падал со страшной высоты, нелепо вихляя и кружась. Волька и Хоттабыч хватались тогда за кисти ковра, невыносимо страдая одновременно от бортовой и килевой качки, от головокружения, от холода и, наконец, просто от страха.

Старик долго крепился, но после одной особенно глубокой воздушной ямы пал духом и робко начал:

– О отрок, подобный обрезку луны, одно дело было забросить твоего друга в Индию. Для этого потребовалось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы сосчитать до десяти. Другое дело – лететь на ковре-самолёте. Видишь, мы уже сколько летим, а ведь пролетели едва одну десятую часть пути. Так не вернуться ли нам обратно, чтобы не превратиться в кусочки льда?

– Ну, знаешь, я тебя просто не узнаю, старик. Как это у тебя язык поворачивается предложить

⁵ Локтей шестьсот – семьсот – то есть около 300–350 метров. Локоть – старинная линейная мера длины, равная приблизительно 0,5 м.

оставить друга в беде?

С этими словами Волька укутался в халат и снова уснул. Через некоторое время его разбудил Хоттабыч, посиневший от холода, но чем-то очень довольный.

– Неужели нельзя дать человеку спокойно поспать? – проворчал Волька и снова накрылся с головой.

Но старик сорвал с него халат и крикнул:

– Я пришёл к тебе с радостью, о Волька! Нам незачем лететь в Индию. Ты меня можешь поздравить: я уже снова умею расколдовывать. Бессонная ночь на морозе помогла мне вспомнить, как снимать заклятия. Прикажи возвращаться обратно, о юный мой повелитель.

– А Женья?

– Не беспокойся, он вернётся домой одновременно с нами или даже чуть раньше.

– Ну, тогда я не возражаю, – ответил Волька.

И вот продрогшие, но счастливые пассажиры ковра-самолёта финишировали наконец в том же месте, откуда они вчера отправились в свой беспосадочный перелёт.

– Волька, это ты? – услышали они тотчас же мальчишеский голос, доносившийся из-под старой развесистой яблони.

– Женька! Ой, Женька! Боже мой, ведь это Женья! – закричал Волька Хоттабычу и побежал к своему приятелю. – Женья! Это ты?

– Я, а то кто же? Конечно, я.

– Ты из Индии?

– А то откуда? Ясное дело, из Индии.

– Ой, как это интересно, Женька! Скорее иди расскажи, что с тобой там было.

И тут же под яблоней Женья Богорад рассказал своему старинному другу Вольке Костылькову о своих приключениях на чайной плантации в одном из заброшенных уголков Индии. Поверьте автору на слово, что Женья вёл себя там так, как надлежит вести себя в условиях жестокой эксплуатации юному пионеру.

Автор этой глубоко правдивой повести достиг довольно преклонного возраста и ни разу не обострил своих отношений с вице-королём Индии. Ему поэтому не хотелось бы испортить эти с таким трудом наладившиеся отношения. А рассказ Жени Богорада, совсем ещё юного гражданина Советского Союза, о том, что он видел в Индии, придирчивые дипломаты могли бы определить как вмешательство во внутренние дела жемчужины британской короны.

Аллах с ней, с этой жемчужиной! Вернёмся лучше к нашим баранам.

XVI. Опять всё хорошо

Примерно в то время, когда возвращавшийся ковер-самолет был уже где-то в районе Серпухова, безутешные родители пропавших ребят снова собрались на квартире у Кружковых и в тысячу первый раз обдумывали, что бы такое им ещё предпринять.

Чай в стаканах давно остыл. Разговор не клеился. Иногда кто-нибудь произносил со вздохом что-нибудь вроде:

– Подумать только, наш подрался как-то с ребяташками – они на него напали, он пришёл домой ободранный и расцарапанный. А я ему говорю: «Почему это на меня не нападают мальчишки?» Не правда ли, глупо?

И снова наступала томительная тишина. Похудевший за эти три дня Александр Никитич нервно шагал по комнате из угла в угол. Он так тяжело переживал исчезновение сына, что Татьяна Ивановна не выдержала наконец и сказала:

– Знаешь что, Шура: сходил бы ты в институт, проведаль бы своих баранов. И для работы польза, и отвлекся бы немножко.

Минут через десять после его ухода раздался телефонный звонок, и Татьяна Ивановна услышала в трубке неуверенный мальчишеский голос:

– Это квартира Кружкиных?

– Да, – ответила Татьяна Ивановна, – Кружкиных. А в чём дело?

– У вас здесь нет случайно кого-нибудь из Богорадов?

– Есть. А кто их спрашивает?

– Передайте им, пожалуйста, что их просит Женя.

– Какой Женя?

– То есть как это какой Женя?! Обыкновенно какой. Их сын Женя.

– Женечка, миленький, дорогой мой Женечка... – залепетала тогда Татьяна Ивановна в трубку. – Разве ты не утонул? То есть, боже мой, что это я говорю! Ну, конечно, ты не утонул. Как я рада, Женечка, что ты не утонул! А где мой Серёжа?

– Не знаю, – донёсся издали голос, – я его сам три дня уже не видел.

– Как же это так? – едва выдавила из себя, глотая слёзы, Татьяна Ивановна.

Но тут подбежал побледневший от волнения Николай Никандрович, вырвал у неё из рук трубку и закричал страшным голосом:

– Женька, это ты?

– А кто ж ещё?

– Где же ты, разбойничья твоя душа, пропадаешь?

– Я... я... я гостил у одного товарища... в Можайске...

– В Можайске?! – залился счастливым смехом Богорад-старший. – Ах ты, такой-сякой, по гостям разъезжать задумал! Скажите, пожалуйста, какой мистер Пиквик⁶! Ну мы, Женечка, сейчас придём домой. Смотри сиди и жди нас, не вздумай снова уезжать в свой Можайск.

Наскоро попрощавшись с ещё более погрузневшей Татьяной Ивановной, Богорады помчались домой. Как раз к этому моменту Александр Никитич входил в ворота своего института. Постепенно невесёлые мысли о сыне вытеснились, и он стал мечтать о молниеносной научной славе. Он с удовольствием вспомнил, что за три дня всё ещё не объявился хозяин баранов. Ещё денёчка два наблюдений, и можно приступить к статье.

С этими приятными мыслями Александр Никитич направился к лаборатории.

Но что случилось? Из здания доносился гул человеческих голосов и громкий прерывистый лязг цепей.

«Воры!» – промелькнула в мозгу Александра Никитича тревожная мысль.

Дрожащими от волнения руками он отпер двери, ворвался внутрь помещения и застыл как поражённый громом. Бараны бесследно исчезли!

Вместо баранов в стойлах металось около двух десятков мужчин, прикованных цепями за ноги к стене.

– По-позвольте, – грозно закричал тогда Александр Никитич, – а где же бараны?

– Это мы и есть бараны, – зло ответил ему мужчина лет сорока пяти с наполовину побритым лицом. – То есть, вообще говоря, мы, конечно, не бараны, а, конечно, как вы видите, люди, а вот вы нас трое суток держите в этих дурацких стойлах. Да снимите вы наконец эти идиотские цепи с наших ног! – заорал он без всякого перехода, и со всех сторон к Александру Никитичу понеслись возмущённые голоса:

– Это безобразия! Мы жаловаться будем!

⁶ Пиквик Сэмюэл – главный герой романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1836–1837), богатый джентльмен, основатель клуба путешественников по Англии и наблюдающих «человеческую природу».

- Человеку не дают спокойно побриться! Обязательно превращают его в барана!
- Дома волнуются, а нас тут на пробу резать собираются!
- Снимите немедленно цепь, а то я тут всё разнесу!

Ничего не понимавший и изрядно перетрусивший Александр Никитич извлёк из шкафа ключи от замков, которыми были скреплены цепи. Но в это время из последнего в ряду стояла донёсся очень знакомый голос:

– Папа! Папочка!

– Серёжа! Сынок мой милый! – закричал, не веря своему счастью, Александр Никитич и бросился тормошить и обнимать сына. – Вот это здорово! Нет, это просто здорово! Как ты сюда попал, а? Мы тебя ищем по всему городу, а ты, оказывается, здесь, под самым моим носом, и даже виду не показываешь!

– Я же ещё третьего дня на улице прыгал вокруг тебя, – оправдывался Серёжа, – ты даже сказал тогда милиционеру, что уже давно ведёшь наблюдения над этим молодым барашком – надо мной, значит. Вот я и думал, что ты меня узнал.

– Да нет же, – отвечал счастливым голосом Александр Никитич, – я тогда, сказать тебе правду, здорово врал.

Но, тут же поняв, что выставляет себя перед сыном в невыгодном свете, он смущённо закашлял и сказал:

– Вот мама-то обрадуется! Побегу позвоню ей.

Так и не сняв цепи с Серёжиной ноги, он побежал к выходу. Тогда остальные пленники, с интересом наблюдавшие драматическую встречу отца и сына Кружкиных, подняли такой гвалт, что Александр Никитич, торопливо произнося неуклюжие извинения, бросился отпирать замки на цепях и, чтобы показать свою полную беспристрастность, освободил Серёжу самым последним.

– Где тут у вас жалобная книга? – приставал в это время к Александру Никитичу мужчина с наполовину выбритым лицом, которого Кружкин, кстати говоря, освободил первым. – Нет, я вас категорически спрашиваю, где жалобная книга?

Посоветовавшись немного, жертвы Хоттабыча решили дело замять и взяли друг с друга торжественные клятвы, что никто никогда никому и ни под каким видом не расскажет об удивительном их превращении из людей в баранов.

– Как ты попал в эту компанию? – спросил Александр Никитич у Серёжи, когда они возвращались домой. – Ты разве тоже был в этой злосчастной парикмахерской?

– Да нет же, – отвечал Серёжа, крепко держась за руку отца, – я как раз проходил мимо. Вдруг слышу – внутри парикмахерской люди прямо помирают со смеху. Я, конечно, полез в парикмахерскую смотреть, в чём дело, почему смеются. И уже сам смеюсь. Засунул я голову в зал, смотрю, а там только два человека нормальных – Волька Костыльков и какой-то старичок в смешных туфлях. А остальные все – и мастера, и остальные граждане – ну прямо на моих глазах превращались в баранов. Тут я, как дурак, ещё громче стал смеяться и в ладоши хлопать. И вдруг я слышу – что-то не тот звук получается. Смотрю, а у меня вместо рук – копыта, и сам я уже не человек, а барашек! Только ты, пожалуйста, папа, никому не рассказывай.

– Ладно, ладно, – сказал Александр Никитич. – Видишь, Серёжа, во-о-он мама спешит!

Серёжа бросился навстречу Татьяне Ивановне.

Как будто сговорившись, никто не напоминал Александру Никитичу про его первую и последнюю попытку добиться научной славы без упорного и добросовестного труда.

XVII. «Будьте знакомы»

Рано утром следующего дня друзья были уже в сборе.

– Будьте знакомы, – сказал официальным голосом Волька и представил Хоттабычу Серёжу и Женю.

– Очень приятно, – сказали в один голос и Хоттабыч и обе его недавние жертвы.

А Хоттабыч подумал немножко, пожевал губами и добавил:

– Нет границ моему счастью познакомиться с вами. Друзья моего юного повелителя – лучшие мои друзья.

– Повелителя? – удивились Серёжа и Женя.

– Да, повелителя и спасителя.
– Вашего спасителя? – не удержались и фыркнули ребята.
– Напрасно смеётесь, – строго взглянул на них Волька, – тут ничего смешного нет, – и вкратце рассказал о всех приключениях за последние трое суток.
Ребята помолчали, подавленные необыкновенностью своего нового знакомого.
Молчание прервал Женя:
– А знаете, товарищи, наш дом скоро будут сносить.
– Прошу прощения, превосходнейший отрок, не скажешь ли ты мне, что значит «сносить дом»? – осведомился Хоттабыч.
– Ну, сломают.
– А зачем, прости мне мою назойливость, будут ломать твой дом?
– То есть как зачем? Чтобы построить на его месте новый дом, дом-дворец. Это не только наш дом ломать будут, – добавил он с гордостью, – в нашем переулке сразу четырнадцать домов ахнут. Заодно уж и переулок расширят. Давно пора.
– А тебе жалко дом? – сочувственно спросил старик.
– А то не жалко! Конечно, жалко, я к нему во как привык! Мы в нём одиннадцатый год живём. И ребята кругом все знакомые...

XVIII. Хоттабстрой

Около четырёх часов утра два подвыпивших гражданина возвращались домой после товарищеской пирушки. Они шли, крепко обнявшись.

Вдруг один из них, тот, который повыше, почувствовал, что сверху ему что-то капнуло на нос. Это при совершенно безоблачном небе! Удивлённый гражданин поднял свои глаза вверх, потом торопливо зажмурил их. Он явно чего-то испугался, но решил не показывать виду.

– Вася, дорогой мой, – сказал он деланно равнодушным голосом, – посмотри, сделай милость, наверх...

Вася послушно посмотрел на небо, тоже испуганно заморгал глазами, тоже сделал равнодушное лицо и отвечал более или менее спокойным голосом:

– Так что я, Никитушка, ни-ничего не вижу.

Они так и не сознались, что видели, как по небу один за другим пронесли четырнадцать многоэтажных домов. Под каждым домом тоненькими, еле заметными усиками болтались обрывки телефонных и электрических проводов и торчали обломки водопроводных труб. Из труб ещё капала вода. Одна из капель как раз и упала на нос Никитушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.